

Станция «Охота»

Место: Перед входом в школу

Информация:

Охоту по справедливости должно почтить одним из главнейших занятий человека. Русские люди с незапамятных времен любили охоту. Это подтверждают наши песни, наши сказания, все предания наши. Да где же и охотиться, как не у нас: кажется, есть где и есть по чем. Витязи времен Владимира стреляли белых лебедей и серых уток на заповедных лугах. Мономах в завещании своем оставил нам описание своих битв с турами и медведями; достойный отец великого сына, один из мудрейших русских царей, Алексей Михайлович, страстно любил охоту".

Азарт охоты, поединок с сильным и хитрым лесным хищником, соревнование с другими охотниками в ловкости и количестве трофеев превращали охоту из промысла в развлечение и искусство.

Иностранные послы, купцы и путешественники приходили в изумление при виде парадных выездов русских царей на охоту. Сохранилось описание одного из таких выездов в село Покровское в 1651 году, когда в Москве находились польско-литовские послы. Впереди всей процессии, вспоминает очевидец, двигался "постельный возок" в сопровождении постельничего и трехсот "младших" дворян. За ними следовали триста конных стрельцов по пять в ряд в парадном одеянии и с карабинами. За стрельцами двигались пятьсот рейтар с палашами и пистолями. Далее вели сорок заводных лошадей в богатой сбруе с позолоченными и серебряными цепями и седлами, покрытыми золочеными покровцами и ковриками. За ними шли запасные каретные лошади, а уже потом ехал сам царь в английской карете.

Сама царская охота - соколиная, псовая и медвежья - отличалась разнообразием церемониала и подчинялась своим правилам и традициям.

По приказу царя ежегодно в столицу привозили более двухсот ловчих птиц: соколов, кречетов, балобанов, сапсанов, копчиков, ястребов. В большой цене были белые кречеты. Они ценились за свою необычную окраску. Места отлова кречетов находились под охраной, и добывать их могли только профессиональные ловцы - "помытчики", имевшие разрешение от государя.

Самой красивой из соколиных охот считалась охота с кречетом. Атакующий кречет на высокой скорости сильно бьет жертву когтями, быстро набирает высоту и при необходимости повторяет атаку - "ставку". Хорошо обученные кречеты упорно преследовали добычу на расстояние до 6 верст и делали до 70 ставок. Добычей кречета были гуси, лебеди, утки, тетерева, коршуны, цапли, журавли, вороны и даже орлы.

Императорская охота представляла собой хорошо продуманный ритуал. Помимо обычных приготовлений выработывался подробный план действий, составлялся список участников охоты, а по ее завершении - подробный отчет о результатах охоты каждого участника и сводные данные.

Выбор места самой охоты зависел от общего количества дичи в угодье и конкретного участка обнаружения и обложения зверя. В программе, помимо намечаемых для охоты кварталов, указывались схемы передвижения людей, время и место стоянок экипажей и т.д.

Охота на медведя всегда представляла собой большую опасность. Раненый медведь мог броситься на царя, и только меткость унтер-егермейстеров и расторопность рогатчика могли спасти жизнь императору.

"В восьмом часу утра охотники обыкновенно выезжали в лес; до места охоты они отправлялись в экипажах; интересно было видеть этот выезд. Все участвующие, даже государь император, были в охотничьих нарядах серого цвета, мягких шляпах; трудно было с непривычки разузнать их в этой одежде. Впереди в парной бричке ехал заведующий охотой, указывая путь; за ним коляска государя, и так далее. В то же время особо выезжала на место охоты царская кухня в нескольких специально для этого устроенных громоздких экипажах. В них помещались особый походный очаг, ледник, ящики с посудой и провизия... В половине дня делался перерыв охоты, и все участвующие в ней приглашались к завтраку. Для производства облавы вызваны были в Беловеж две роты солдат; я видел, как они, обыкновенно рано утром, шли к месту охоты с небольшими флагами в руках. Им тоже готовился завтрак. После завтрака охота возобновлялась и длилась часов до пяти, когда охотники возвращались во дворец и садились за обед.

Станция «Дуэль»

Место: Холл перед театральной отрядной

Информация:

Поединок есть условленный бой между двумя лицами смертоносным оружием для удовлетворения поруганной чести, с соблюдением известных установленных обычаем условий относительно места, времени, оружия и вообще обстановки выполнения боя». Из этого определения можно вычленить следующие основные признаки классической дуэли:

- 1) цель дуэли — удовлетворение поруганной чести (а не цирковое представление, не решение спора и не состязание в силе);
- 2) участников дуэли только двое (а не «стенка на стенку»), т. е. оскорбленный и его обидчик (отсюда само слово «дуэль»);
- 3) средство дуэли — смертоносное оружие (а не кулаки, как у купца Калашникова с Кирибеевичем);
- 4) наличие установленных обычаем правил (условий) дуэли, обязательных к строгому соблюдению.

Дуэль — это как раз тот любопытнейший казус, когда мораль и право постоянно противоречат друг другу, когда понятие о защите чести и достоинства с оружием в руках сталкивается с неизменным стремлением государства регулировать эти вопросы правовыми средствами, с помощью суда.

Предположительно первой дуэлью в России можно считать поединок, состоявшийся в 1666 году в Москве между двумя наемными иностранными офицерами — шотландцем Патриком Гордоном (впоследствии петровским генералом) и англичанином майором Монтгомери.

И тем не менее дуэли постепенно все более проникали в среду дворянской молодежи. И причиной здесь был не столько «дух буйной молодости», в чем неодобрительно корили детей законопослушные отцы, сколько формировавшееся чувство чести и личного достоинства, складывавшееся постепенно, с развитием образования и сословного воспитания, и усиливавшееся с каждым новым поколением. Дворянская молодежь, попрежнему верная присяге-и престолу, не допускала при этом вмешательства государства в дела чести: «Душа — Богу, сердце — женщине, долг — Отечеству, честь — никому».

«Правила дуэли между господином _____ и господином _____».

- 1) Противники ставятся на расстоянии 20 шагов друг от друга и 10 шагов от барьеров, расстояние между которыми равняется 10 шагам.
- 2) Вооруженные пистолетами противники, по данному знаку идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут стрелять.
- 3) Сверх того принимается, что после выстрела противникам не дозволяется менять место, для того чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же самом расстоянии.
- 4) Когда обе стороны сделают по выстрелу, то в случае безрезультатности поединок возобновляется как бы в первый раз, противники ставятся на то же расстояние в 20 шагов, сохраняются те же барьеры и те же правила.
- 5) Секунданты являются непосредственными посредниками во всяком отношении между противниками на месте.
- 6) Секунданты, нижеподписавшиеся и облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый свою сторону, своей честью строгое соблюдение изложенных здесь условий.

Станция «Крепостной театр»

Место: Актовый зал

Информация:

Ревизор

Хлестаков

Городничий

Анна Андреевна

Марья Антоновна.

Артемиий Филиппович

Лука Лукич

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от грубости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем не пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит только в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, - один из тех людей которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуясь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сию возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, после столицы вояжировка вам показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, *comprenez vous*, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за все...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете?

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: "Приходи, братец, обедать!" Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: "Это вот так, это вот так!" А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только - тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: "Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу". (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вместе. { **Городничий.** Чин такой, что еще можно постоять.

Артемий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Хлестаков. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: "Вон, говорят, Иван Александрович идет!" А один раз меня даже приняли за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: "Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего".

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: "Ну что, брат Пушкин?" - "Да так, брат, - отвечает, бывало, - так как-то все..." Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: "Женитьба Фигаро", "Роберт-Дьявол", "Норма". Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: "Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь". Думаю себе: "Пожалуй, изволь братец!" И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, "Фрегат Надежды" и "Московский телеграф"... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и "Юрий Милославский" ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой "Юрий Милославский", так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз - в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку - пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж - скажешь только кухарке: "На, Маврушка, шинель..." Что ж я вру - я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница сто'ит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: "ваше превосходительство". Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, - куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, - нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь - просто черт возьми! После видят, нечего делать, - ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? - я спрашиваю. "Иван Александрович ступайте департаментом управлять!" Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже... "Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я..." И точно: бывало, как прохожу через департамент, - просто землетрясение, все дрожит и трясется как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится еще сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: "Я сам себя знаю, сам." Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, все вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и все что нужно.

Хлестаков. Вздор - отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

Станция «Крепостное хозяйство»

Место: Холл перед театральной отрядной

Информация:

Девять из десяти хозяек в старину в один голос называли бы стирку белья самой хлопотной и неблагодарной домашней работой. Как говорили в народе, совсем не варило (стряпня) бабу постарило, а возня с грязными сорочками и портками. Муж на то и муж, чтобы однажды явиться домой совершенно грязным: еще утром, казалось бы, надел чистейшую сряду (одежду), а к вечеру она уже «присеки огня» (очень грязная). В таких случаях выручал валёк-колотушка – вещь в хозяйстве незаменимая: им можно было и неряшливого муженька поколотить для науки, а лучше всего, вздохнув глубоко и прихватив «уделанные» порты, бежать на речку, чтобы отстучать их до прежней чистоты. Недаром прачек в старину называли «портомойками». Да и само слово «прачка» означает, что белью во время стирки не просто слегка треплют, кое-как полощут, а именно прут (жмут, давят, колотят вальком), прилагая значительные физические усилия».

В старину в дубовую бочку наливали воду. А чтобы она вскипела, клали в нее раскаленные камни. Вместо порошка чаще всего пользовались щелоком (распаренной золой).

Потом в ход шел валёк.

Глажка:

Ткань наматывали на каталку, свободный конец ткани прижимали к концу стола и с силой прокатывали ребристой поверхностью рубеля по каталке. Так несколько раз, пока ткань не разгладится.

Заботы по дому:

Дворянин просыпался очень рано, на заре. Прежде чем вылезти из-под пуховиков, он звонил в колокольчик. Тут же в спальню входил лакей с подносом. В зависимости от пристрастий барина ему подавали рюмку водки, чашку чая или кофе со сливками. После молитвы помещик обыкновенно принимал в кабинете с докладами и рапортами дворецкого, ключника, деревенского старосту. Они заходили по одному по команде горничной, докладывали, какие работы предстоят в имении в ближайшее время, отчитывались о доходах и расходах, внимательно записывали распоряжения помещика. Барин обычно задавал всем один и тот же вопрос: «Ну что? Все ли здорово, ребята, и благополучно у нас?» В ответ дворецкий докладывал о состоянии дел в усадьбе, ключник рапортовал о запасах в кладовых, а староста описывал обстановку в деревнях.